Илья, Ермак и Калин царь

Отсылал татарин туриц на святую Русь,
Отсылал он туриц и наказывал:
«Поезжайте-ка, турицы, на святую Русь,
И ко славному ко городу ко Киеву,
Что ни будь вы там да попроведайте,
Что деется на матушке святой Руси».
И съехались турицы на святую Русь,
И приехали турицы в стольно Киев-град:
Хоть отдали́-то турицы поганые
Посмотрели на князя Владимира,
И приехали к татарину поганому.
Стал татарин у них спрашивать:
«Где же вы, мои турицы, были-по́были,
Что же вы, мои турицы, видели?»
Говорят ему турицы таковы слова:
«То мы побыли на матушке святой Руси,
Во славноем во городе во Киеве,
То мы видели во городе во Киеве,
Как со матушки с божьёй церквы
Шла девица душа красная,
На руках книгу несла во-евангелье.
Причитаючись она да слезно плакала».
Говорил татарин таковы слова:
«Ай вы глупые турицы, неразумные!
Не девица тут шла душа красная,
А тут шла мать пресвятая Богородица,
На руках книгу несла во-евангелье:
Она ведала над Киевом невзгодушку,
Ту она и слезно плакала».
Снаряжается царь Калин со своею силушкой великою,
Посылает он посла в стольно Киев-град,
Ко ласкову ко князю ко Владимиру;
Посылал посла, ему наказывал:
«Поезжай-ка ты, посол, в стольно Киев-град,
Ко ласкову князю ко Владимиру на широкий двор,

И спущай-ка ты коня на посыльный двор,
Сам поди в палату белокаменну.
Креста не клади по-писаному,
Поклонов не веди по-ученому,
И не бей челом на все стороны,
Ни самому-то князю Владимиру,
Ни его князьям подколенныим[1],
И полагай-то ты грамоту посыльную на золот стул,
И пословесно князю выговаривай:
Очистил бы он улицы стрелецкия,
И все большие дворы княженецкие,
Чтобы было где стоять царю Калину
 Со своею силушкой великою».
Приезжал посол в стольно Киев-град,
Ко князю Владимиру на широкий двор,
Спущает коня на посыльный двор,
Сам идет в палату белокаменну;
На пяту он дверь поразмахивал,
Креста он не клал по-писаному,
И не вел поклонов по-ученому,
Ни самому-то князю Владимиру,
И не его князьям подколенныим,
Полагал он грамоту посыльную на золот стул,
И пословечно он, собака, выговаривал:
«Ты, Владимир, князь стольно-киевский!
Приочисти-тко улицы стрелецкия,
И все дворы княженецкие,
Чтобы было где жить царю Калину
Со своею силушкой великою».
Поскорешенько посол поворот держал,
Садился он скорехонько на добра коня,
И он поехал по раздольицу чисту полю.
    А Владимир-князь в палатах княженецкиих
Он сидит да приужахнулся;
Говорит Владимир таковы слова:
«Как на почестный пир-пированьице
Съезжаются многие русские могучие богатыри
Ко славному ко князю ко Владимиру;
Как теперь ведают на Киеве невзгодушку,

Так не едут оны ко князю ко Владимиру,
Сидят в своих палатах белокаменных,
Во комнатах во богатырскиих!»
На пяту тут двери растворилися,
Приходит молодец в палату белокаменну,
Крест он кладет по-писаному,
Поклон ведет по-ученому,
На все на три, на четыре на сторонки покланяется,
Самому князю Владимиру в особину,
И всем его князьям подколенныим.
Сам он пословечно выговариват:
«Ласковый Владимир, князь стольно-киевский!
Послан я из за́ставы Московскоей!
У русских у могучиих богатырей
Есть подогнано литвы много поганыя
Ко славному ко городу ко Киеву.
Так ты накладывай первы мисы чиста серебра,
Другия мисы красна золота,
Третьи мисы скатна жемчуга,
Отошли-тко эти мисы во чисто поле
Ко тому татарину поганому,
Чтобы дал нам поры-времени на три месяца
Очистить улицы стрелецкие
И все великие дворы княженецкие».
Тут Владимир князь стольно-киевский
Шел скорешенько на погреба глубокие,
Накладывал первы мисы чиста серебра,
А другия мисы красна золота,
А третьи мисы скатна жемчуга.
И повез тихий Дунаюшка Иванович
Эты мисы ко татарину поганому.
Дал-то им татарин поры-времени,
Поры-времени дал на три месяца
Приочистить улицы стрелецкия
И все великие дворы княженецкие.
В тую порушку в то времячко
Ко славному ко князю ко Владимиру
Приходит още молодец в палату белокаменну,
На пяту он двери поразмахиват,

Крест он кладет по-писаному,
Поклон ведет по-ученому,
На все три-четыре на сторонки поклоняется,
Самому князю Владимиру в особину
И всем его князьям подколенныим.
Сам он пословечно выговариват:
«Дядюшка Владимир, князь стольно-киевский!
Дай-ка мне прощеньице-благословленьице
Повыехать в раздольице чисто поле,
Поотведать мне-ка силушки поганого».
Говорил ему Владимир, князь стольно-киевский:
«Ай же ты, любимый мой племничек,
Молодой Ермак Тимофеевич!
Не дам тебе прощеньица-благословленьица
Повыехать в раздольице чисто поле,
Поотведать силушки поганого:
Ты, Ермак, младешенек,
Младешенек, Ермак, глупешенек.
Молодой Ермак, ты лет двенадцати,
На добром коне-то ты не езживал,
В кованом седле ты не сиживал,
Да и палицы в руках не держивал;
Ты не знаешь спонаровки богатырския:
Тебя побьет литва поганая;
И не будет-то у нас богатыря,
То нам не́ на кого будет понадеяться».
Говорит Ермак, поклоняется:
«Ай же ты, дядюшка мой ро́дный,
Владимир, князь стольно-киевский!
Когда не дашь мне прощеньица-благословленьица
Повыехать в раздольице чисто поле,
Поотведать силушки поганого,
Так дай-ка мне прощеньице-благословленьице
Повыехать в раздольице чисто поле,
Посмотреть только на силушку погануюю».
Дал ему дядюшка прощеньице-благословленьице
Повыехать в раздольице чисто поле,
Посмотреть на силушку погануюю.
Шел он во свою палату белокаменну,

Одевал-то одежицу забранную;
И шел он, Ермак, на широкий двор,
Седлал добра коня богатырского,
Заседлывал коня, улаживал,
Подкладал он потничек шелковенький,
Покладал на потничек седелышко черкасское,
Подтянул подпружики шелковыя,
Полагал стремяночки железа булатняго,
Пряжечки полагал чиста золота,
Не для красы, Ермак, для угожества,
А для-ради укрепы богатырския:
Подпруги шелковые тянутся, — они не рвутся,
Стремяночки железа булатняго гнутся, — они не ломятся,
Пряжечки красна золота они мокнут, — не ржавеют.
Садился Ермак на добра коня,
Берет с собой палицу булатнюю,
Берет вострое копье он муржамецкое.
Он повыехал в раздольице чисто поле,
Посмотрел на силушку поганого:
Нагнано-то силушки черным-черно,
Черным-черно, как черного ворона;
И не может пропекать красное солнышко
Между паром лошадиным и человеческим.
Вёшниим долгиим денечком
Серому зверю вокруг не обрыскати,
Меженным[2] долгиим денечком
Черну ворону этой силы не обграяти[3],
Осенниим долгиим денечком
Серой птицы вокруг не о́блететь.
Посмотрел Ермак на силушку великую:
Его сердце богатырско не ужахнулось.
Он зовет себе Бога на́ помочь,
Въехал-то он в силушку великую,
Стал он эту силушку конем топтать,
Конем топтать, копьем колоть.
Бьет он эту силушку, как траву косит,
И бился целыя суточки,
Не едаючись и не пиваючись,
И добру коню отду́ху не даваючись.

А в нем силушка велика не уме́ньшилась,
И в нем сердце богатырско не ужа́хнулось;
В двадцать четыре часика положенныих
Побил он эту силушку великую:
Этой силы стало в поле мало ставиться.
    На той Московской на заставы,
На славной на Скат-горы на высокия,
Стояло двенадцать богатырей без единого.
Говорил тут старый казак Илья Муромец:
«Ай же, братьица мои крестовые,
Славные бога́тыри святорусские!
Мы стоим на славной Московской на заставы,
Думаем мы думушку великую,
Как нам приступить к этой силушке поганого;
А молодой Ермак Тимофеевич
Бьется он целыя суточки,
Не едаючись и не пиваючись,
И добру коню отдуху не даваючись.
Поезжай-ка ты, Алешенька Попович, во чисто поле,
Наложи-тко храпы крепкие
На него на плечики могучия,
Окрепи-тко его силушку великую,
Говори-тко ты ему таковы слова:
«Ты, Ермак, позавтракал,
Оставь-ка нам пообедати».
Выехал Алеша Попович в чисто поле
Ко славному бога́тырю святорусскому,
Наложил он храпы крепкие
На него на плечики могучия:
Он первые храпы поо́борвал;
Налагал Алешенька Попович храпы другие:
Он другие храпы поо́борвал;
Налагал Алеша храпы третьии:
Он и третьи храпы пооборвал.
Поскорешенько Алеша поворот держал,
Приезжал на Скат-гору высокую,
Говорил Алеша таковы слова:
«Ай же, старый казак Илья Муромец!
Хоть-то был я во раздольице чистом поле,

То я не мог приунять богатыря святорусского,
И не мог укротить его силушки великия:
Он трои́ храпы мои пооборвал».
Говорил Илья Муромец таковы слова:
«Поезжай-ка ты, Добрынюшка Микитинец,
Поскорешенько в раздольице чисто поле,
Наложи-тко храпы крепкие
На него на плечики могучия,
Окрепи-тко его силушку великую,
Говори-тка ему таковы слова:
«Ты, Ермак, позавтракал,
Оставь-ка нам пообедати».
Выезжал Добрыня во чисто поле,
Ко славному богатырю святорусскому,
Наложил он храпы крепкие
На него на плечики могучия:
Он первые храпы пооборвал.
Налагал Добрыня храпы другие:
Он другие храпы пооборвал.
И налагал Добрыня храпы третьи:
Он и третьии храпы пооборвал.
Поскорешенько Добрыня поворот держал,
Приезжал на Скат-гору высокую,
Говорил Добрыня таковы слова:
«Ай же, старый казак Илья Муромец!
Хоть-то был я во раздольице чистом поле,
То не мог я приунять богатыря святорусского,
И не мог укротить его силушки великия:
Он трои храпы мои пооборвал».
Тут старый казак Илья Муромец
Сам скорешенько садился на добра коня,
Он ехал скоро-наскоро в раздольице чисто поле,
Подъехал к богатырю святорусскому,
Наложил он свои храпы крепкие
На него на плечики могучия,
Прижимал его к своему ретивому сердечушку,
Говорил он ему таковы слова:
«Ай же, млад Ермак Тимофеевич!
Ты, Ермак, позавтракал,

Оставь-ка нам пообедати,
Прикроти-тко свою силушку великую».
Тут молодой Ермак Тимофеевич,
Со этыих побоев со великиих,
Со этыих с ударов со тяжелыих,
Кровь-то в нем была очень мла́дая,
Тут молодой Ермак он преставился.
Тут старый казак Илья Муромец
Ехал он на Скат-гору высокую,
Брал свою дружинушку хоробрую,
Двенадцать богатырей без единого,
Сам-то Илья во двенадцатых.
Поехали раздольицем чистым полем:
От них литва поганая в побег пошла.
Тут они скрятали[4] татарина поганого.
Этот-то татарин поганыий
Давает им заповедь великую,
И пишет с ними заповедь он крепкую:
Будет платить дани-выходы
Князю Владимиру искон до веку.

(Записано П. Н. Рыбниковым со слов Рябинина Т. Г., Кижи)

Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, изд. 2, т. 1, Москва, 1909.

1 Колено значит старший в семье; следовательно подколенние князья — младшие удельные князья.
2 Межень — жаркая летняя пора.
3 Граять — каркать.
4 Скрутили, захватили в полон — *по объяснению певца.*